

Содержание

Глава 1	Василиса	11
Глава 2	Катастрофа	24
Глава 3	Патрия	32
	<i>Из летописи Асседо. Глава III. Приор</i>	43
Глава 4	Экзамен	49
Глава 5	Папа	55
Глава 6	Цель	62
Глава 7	Гранат	68
Глава 8	Деревня	75
Глава 9	Десять заповедей первой комнаты	84
Глава 10	Клуб	93
Глава 11	Письмо №1	101
Глава 12	Учительница	109
Глава 13	Восьмая заповедь	117
Глава 14	Письмо №2	120
Глава 15	Окно	130
Глава 16	Черный ящик	140
Глава 17	Девятая заповедь	154

Глава 18 Трахтманы	170
Глава 19 Многоводы	180
Глава 20 Мочалок командир	188
Глава 21 Маша	205
Глава 22 Хабиби	214
Глава 23 Черный кофе	228
<i>Из летописи Асседо. Глава XX. Легенда о маге</i>	244
Глава 24 Письмо №3	250
Глава 25 Пустыня	260
Глава 26 Первый	273
Глава 27 Новый год	286
Глава 28 Сексуальное воспитание	297
Глава 29 Вещи и имена	308
Глава 30 Пропавший	316
Глава 31 Жертва	330
Глава 32 Пурим	351
Глава 33 Четыре причины для письма №4	365
Глава 34 Дешевая литература	370
Глава 35 Пятьдесят девять минут	394
Глава 36 Рок	405
Глава 37 Геометрия	414
Глава 38 Охрана	423
Глава 39 Воды достаточно!	432
Глава 40 Достояние общественности	440

Глава 41	Мадонна бургундского канцлера	454
Глава 42	Арт-терапия	470
Глава 43	Исход. Часть первая	480
Глава 44	Исход. Часть вторая	488
Глава 45	День рождения	501
	<i>Из летописи Асседо. Глава XLIV. Казус белли</i>	<i>513</i>
Глава 46	Письма №5 и №6	523
Глава 47	Тремп	540
Глава 48	Тенгиз	568
Глава 49	Тапочки	593
Глава 50	Чемоданы	608
Глава 51	Возвращение	636
Глава 52	Проводник	650
	Послесловие	675
	<i>Из летописи Асседо. Глава I. Дюк</i>	<i>695</i>

Всем выпускникам программы "Наале"

Глава 1

Василиса

В свой черед коснется слуха
тот сигнал валторны строгой,
что вязать велит пожитки.
Ни пера тебе, ни пуха.
Отдохни перед дорогой.

М. ЩЕРБАКОВ
Памяти всех

Впервые я закричала в начале мая. Свежие туристы поднялись на катера “Ливерпуль” и “Генуя” и поплыли не к берегам Нового Света, а на пляж Ланжерон.

Кричали торговки пирожками, квасом и рачками; мамы кричали детям: “Не перекупайтесь!”; кричали моряки друг на друга, привязывая катера к пирсам и подавая трапы, а на моряков кричали капитаны. Чайки кружили над ними и тоже, стало быть, кричали.

Дома кричал мой старший брат, потому что мама отсутствовала уже довольно долго — кормила кричащую меня, а папа был занят своими учениками и их родителями, которые на него кричали, потому что он никогда своих учеников не оценивал выше чем на четверку.

“Четверка с плюсом — это для господ бога, а пятерка — для меня!” — кричал папа, и за это на него кричал завуч, поскольку господ бога упоминать на родительских собраниях было не комильфо.

— Что такое “комильфо”? — спросила я у бабушки, когда научилась говорить. — Только не кричи на меня.

— С чего бы это мне на тебя кричать? Я что — изверг? — спросила бабушка, которая всегда старалась не кричать, так как

была родом из интеллигентной семьи врачей и фельдшеров, но ей не всегда удавалось. — “Комильфо” — это антоним моветона и синоним бонтонна.

Вместо одного я обзавелась еще четырьмя неизвестными словами. Так всегда было с бабушкой: она изображала из себя то аристократку, то базарную торговку, как будто так и не определилась со своим истинным призванием.

— Я таких слов не знаю, — честно призналась я.

— Горе ты мое неразумное. Гувернантку бы тебе, как в старые добрые времена. Она бы из тебя сделала человека. Ходила бы по струночке. Была бы мне полиглотом. Может, даже стала бы вундеркиндом, как твой брат. Так нет, разве кто-то займется ребенком? Разве у кого-то имеется на ребенка время? Совсем распоясалась. Выглядишь мне как пролетарий всех стран. “Комильфо” — это так, как надо.

— Ясно, — заключила я. — Значит, я — не комильфо.

— Будешь ты еще комильфо. — Бабушка потрепала меня по голове. — Обязательно когда-нибудь станешь. Комильфее не бывает.

И продолжила чистить картошку.

С тех самых пор все и зовут меня Комильфо. Сперва меня так называли воспитательницы в престижном детском саду “Сказка”, где воспитывались дети работников порта и дети их знакомых и родственников. Потом — учителя из нашей с папой школы, тренер по акробатике, ведущая английского кружка в Доме ученых, хоровик из Дворца пионеров, Алена Зимова, Митя Караулов, вся моя родня и я сама.

Вот, например, бегу я по Бульвару, залезаю на фонтан под Пушкиным, окунаю голову в массивную чашу, под струи, льющиеся из глоток чугунных рыб.

— Комильфо! — кричат ветераны Великой Отечественной войны. — Что ты вытворяешь? Как тебе не стыдно?! А ну слезай, не оскверняй память поэта! Он памятник себе воздвиг! Где твой дед?

После кровоизлияния в мозг мой дед заболел агнозией. Это такая болезнь, когда все видишь, но ничего не узнаешь.

Смотришь на грушу и не понимаешь, груша это или абрикос, а может быть, и вовсе кошелек. Думаешь, что глядишь на Александра Сергеевича, а он оказывается Михаилом Юрьевичем. И как тут не перепутать собственную внучку с соседской?

Дед наловчился узнавать предметы по запаху и прикосновению, а людей — по походке. То есть получается, что когда один орган чувств портится, можно положиться на другие. А та доля мозга, которая распознает движение, только косвенно соприкасается с частью, которая поломалась. В общем, дед мог смотреть футбол, где бегают люди, и читать газеты, а находить в холодильнике масло и хлеб затруднялся. Газеты он мог читать, потому что слова в мозгу тоже располагаются не там, где находятся лица, а в совершенно другом месте. Лиц мой дед не распознавал.

Я этим часто пользовалась. Когда дед приходил забирать меня из школы, я делала вид, что я — не Комильфо, и удирала в подворотню с Аленькой Зимовой через лаз в заборе. Бежала я специально в не присущую мне припрыжку, отбрыкивая ногами, чтобы дед не узнал меня по походке. Он стоял посреди школьного вестибюля и кричал: “Комильфо! Комильфо, ты где?” А меня уже след простыл, и я перепрыгиваю во дворах улицы Гоголя с одной стены на другую, а Алена страшует.

Потом мне было стыдно, но я все равно не могла отказаться от исследования черных ходов, которыми был утыкан весь город, как голландский сыр. В захлавленных двориках с покосившимися балконами, кривыми гаражами и облезлыми стенами можно было подглядывать за изнанкой жизни. А время там навсегда застряло довоенное, а может быть, даже и дореволюционное. На обратной стороне Одессы воображение особенно обострялось, и я могла быть Кемугодно, и вовсе не обязательно Комильфо.

Дома на меня опять кричали и кормили котлетами с пюре. Пока все не съем, не встану из-за стола, и как мне не стыдно, у дедушки может случиться инфаркт, а это гораздо хуже агнозии, потому что с сердцем не играют, а с мозгом — пожалуйста.

С мозгом любил играть мой старший брат. Ему тогда было

очень много лет, несусветно много. С мозгом он играл в “Что? Где? Когда?”, в шахматы, в преферанс, разгадывал кроссворды наперегонки с папой и мастерил макеты самолетов и пароходов при помощи рук, но и не без помощи мозга. Брат был всеобщим любимцем, за что и получил звание Главного Вундеркинда. Из этого следует, что я титуловалась Второстепенным Вундеркиндом.

Правда, бабушка была права, и вундеркиндства во мне — “раз и обчелся”. Природа талантами меня не наделила. Училась я исключительно на тройки с плюсом, в акробатических пирамидах всегда размещалась внизу, являя собою устойчивую колонну для карабкающихся вверх тонюсеньких девчонок. По-английски умела произнести: “Вер из де дог? Де дог из ин де хауз”, а в хоре пела третьим голосом, что означало, что когда пели первые и вторые голоса, я продолжала успешно изображать колонну и открывала рот, только когда в припеве начиналось “пусть всегда будет мама”. Солнце и небо меня, стало быть, миновали.

А все потому, говорил хоровик, что я не пою, а кричу.

Зато у меня было богатое воображение, я умела вышивать крестиком и гладью, грызть ручки и ногти, знала все потайные лазы Жовтневого района, приземлялась всегда на ноги и плавала как рыба. Благодаря деду.

Еще до того, как дед заболел агнозией, он научил меня держаться на воде. Ведь задолго до того, как он заболел агнозией и научил меня держаться на воде, он был бортовым механиком на кораблях и воевал с фашистами в артиллерийском полку. Когда я хорошо себя вела, он показывал мне шрам, пересекающий его бедро, — след боевого ранения. Шрам уже давно не болел.

Дед был импозантен, статен и седовлас. С бабушкой у них оказалась одна любовь на всю жизнь. Они познакомились после войны, когда дед по пути домой в Херсон остановился на отпуск в Одессе. “Сделал привал” — так он говорил. В итоге визита к дальним родственникам, где гостила и юная бабушка, дед привалился к Одессе на веки вечные и стал гораздо боль-

шим одесситом, чем бабушка, которая была одесситкой корнями. Корни начинались на Екатерининской площади. То есть на площади Потемкинцев.

Когда-то бабушкиным родителям, зубным врачам, принадлежала колоссальная квартира с огромным количеством комнат, числом пять. Но потом семейство сослали в эвакуацию в Казань, где бабушка отморозила ноги, когда носила воду в коромысле зимой из реки. А когда они вернулись в Одессу, квартиру разделили на коммуналки, и им выделили две с половиной оставшиеся комнаты и чулан в качестве премии.

После эвакуации одесситов от неодесситов трудно было отличить, потому что в Одессе хотели жить все, даже те, кто не был из нее эвакуирован. И несмотря на то, что многих одесситов убили на войне, их ряды тут же пополнились новыми желающими.

“Подиспанец хорошенький танец, танцуется очень легко — подайте мне левую руку, и танец пойдет хорошо”, — пел дед, пританцовывал и отвешивал бабушке поклон. Танцевать я любила, а бабушка — не очень. После отмороженных ног у нее пропало всяческое желание подпрыгивать. Поэтому левую руку подавала деду я, а не она, и мы кружились вокруг обеденного стола по большой комнате на Екатерининской площади. То есть Потемкинцев.

После войны дед поработал в порту, а потом ему надоело, он решил стать лошадиником и получил место на ипподроме. У него было много знакомых в цирке, потому что ипподром и цирк иногда менялись конями по надобности. Так что я часто бывала за кулисами цирка и ипподрома и гладила лошадей по гривам. Иногда я садилась на них верхом.

У меня была любимая лошадка Василиса — спокойная и мечтательная, серая в яблоках. Мы с ней очень сдружились. Но однажды Василиса испугалась цирковой хлопушки, встала на дыбы и случайно сбросила с себя наездницу, стоявшую в тот самый момент в седле на руках. Наездница получила травму головы. За это Василису подвергли наказанию и отправили на колбасу.